

DARIA KHRUSHCHEVA

Последние адреса: мемориальные доски как место памяти и форма коммуникации

Last Addresses: Commemorative plaques as *lieux de mémoire* and a form of communication

Abstract. Memorial plaques are one of the most common forms of commemorative practices. Organically fitting into the geographical and socio-cultural landscape and having several functions, memorial plaques not only become a kind of marker of a “site of memory” (*lieu de mémoire*), play an important role in preserving names, transmitting historical memory, but also contribute to the construction and consolidation in the mass consciousness of ideologically verified representations of historical political events. Various “initiatives from below” and projects of independent activists (for example, the “Last Address” (“Poslednij adres”) project with memorial tablets to victims of state terror or the anonymous “questions about repressions” action discussed in this article) become vivid examples of how today’s Russian civil society reacts to a unilateral submission historical facts by power structures. The organizers of such actions become new actors in the politics of memory. They seek not only to expand the space of specific “places of memory” – memorial plaques and their contents – but also to change the perception of certain historical events and attitudes towards them. On the example of memorial plaques as a form of commemoration, the article examines the communicative strategies of different groups of memory subjects in modern Russia.

Keywords: collective memory, lieu de mémoire, commemorative plaque, Russia, political repression

Daria Khrushcheva, Ruhr University, Bochum – Germany, Daria.Khrushcheva@ruhr-uni-bochum.de, <https://orcid.org/0000-0003-1150-2332>

29 октября 2020 года, накануне дня памяти жертв политических репрессий, в Москве под более чем десятком мемориальных досок, установленных в честь великих деятелей советского периода, были нанесены надписи, в которых задавался вопрос, что с этими людьми случилось во времена Большого террора. „А что с ним случилось в 1934?” – надпись под табличкой поэту Осипу Мандельштаму. „А что в 1937? Переехал?” – вопрос под мемориальной доской на доме, где жил болгарский революционер Роман Аврамов. „А куда в 39-м уехал?” – вопрос о судьбе режиссера Всеволода Мейерхольда.

Мемориальные доски относятся к самым распространенным формам коммеморативных практик. Органично вписываясь в географический и социокультурный ландшафт и обладая целым рядом функций, мемориальные доски не только становятся своеобразным маркером „места памяти”, играют важную роль в сохранении имен, передаче исторической памяти, но и способствуют конструированию и закреплению в массовом сознании идеологически выверенных репрезентаций историко-политических событий.

Акция с „вопросами о репрессиях” стала одним из ярких примеров того, как российское гражданское общество реагировало в тот момент на одностороннюю подачу исторических фактов властными структурами. Организаторы подобных акций становятся новыми акторами политики памяти. Они стремятся не только расширить пространство конкретных „мест памяти” – мемориальных досок и их содержания, но и изменить восприятие определенных исторических событий, отношение к ним.

В качестве другого примера сохранения памяти и „преодоления ошибок прошлого” можно назвать проект „Последний адрес”, стартовавший в 2014 году и получивший распространение на всей территории России и за ее пределами, например, в Грузии, Молдавии, Украине, Чехии. Размещая на фасадах домов небольшие знаки, активисты проекта увековечивают память о простых людях – невинных жертвах государственного террора.

На примере мемориальных досок как формы коммеморации статья рассматривает коммуникативные стратегии разных групп субъектов памяти в современной России: механизмы закрепления в памятных знаках исторического мифа и способы сохранения и трансляции „альтернативной” исторической памяти и исторической правды.

Мемориальные доски как форма коммеморации и их функции

Повседневная жизнь, общественные пространства, окружающая нас среда наполнены образами памяти. Термин „место памяти” (*les lieux de mémoire*) ввел в употребление в начале 1980-х годов французский историк Пьер Нора (Nora 17). К „местам памяти” исследователь относил музеи, монументы, храмы, кладбища, архивы, трактаты, протоколы, коллекции, праздники, годовщины и многое другое – все то, что так или иначе может быть формой коммеморации или способом, с помощью которого в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Нора говорит о том, что „память порождается той социальной группой, которую она спланирует” (Nora 20). Свою концепцию „мест памяти” Нора основывал, помимо прочего, на утверждении французского социолога Мориса Хальбвакса о том, что

„существует столько же памятей, сколько и социальных групп” (Nora 20). Нора вслед за Хальбваксом разделял мнение, что „память по своей природе множественна и неделима, коллективна и индивидуальна” (Nora 20).

Морис Хальбвакс рассматривает коллективную память как „историческую память группы, дающую ориентиры индивидуальному сознанию”, он также отмечает роль исторической памяти как фактора обретения групповой идентичности (Hal'bvaks, электронный ресурс). В своей концепции коллективной памяти Хальбвакс опирался на совокупность понятий: „коллективные воспоминания”, „коллективная история”, „образы прошлого” (Hal'bvaks, электронный ресурс). В его представлении исторические события отбираются, классифицируются и хранятся, исходя из интересов и задач определенной части общества:

В национальном сознании эти события оставили глубокий след не только потому, что они изменили общественные институты, но и потому, что связанная с ними традиция по-прежнему весьма жива в той или иной части группы (Hal'bvaks, электронный ресурс).

Нора называет различные формы сохранения памяти „коммеморативной бдительностью”: „Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, [...] потому что такие операции не являются естественными” (Nora 26). Вслед за Хальбваксом Нора утверждает, что для сохранения память должна переживаться коллективно: „когда память больше не находится повсюду, она исчезает” (Nora 34). Отталкиваясь от этого, можно рассматривать городскую среду с ее различными каналами коммуникации как оптимальное, доступное большому количеству групп социокультурное пространство. Мемориальные доски, памятные таблички и знаки могут служить одним из таких каналов коммуникации: они „образуют «места памяти», наделяя городскую среду специфическими культурными и семантическими смыслами” (Besedina, Burkova 2014: 150).

Кроме того, мемориальные доски можно отнести к одной из самых доступных форм увековечения памяти. По классификации Пьера Нора одним из отличительных признаков мемориальных досок как „мест памяти” является их „точная локализация” (Nora 47): устанавливаемые на фасадах домов или внутри помещений, они фиксируют связь конкретного объекта с историческими событиями или выдающимися личностями. Это „наиболее щадящий механизм фиксации памяти в городском пространстве” (Varannikova 172): мемориальные доски не требуют большого количества свободного места, они относительно просты в исполнении, сравнительно экономичны, а также позволяют пусть и бегло, но самостоятельно ознакомиться с историей незнакомого города, его знаменитыми жителями или важными событиями. С точки

зрения классификации, традиционные мемориальные доски можно разделить на несколько типов: персонифицированные/именные (посвященные одному выдающемуся человеку или группе лиц); событийные (связывающие архитектурный объект или местность с определенными историческими событиями); знаки, дающие историческую справку о происхождении названия прилегающей улицы, проспекта, сквера; знаки, посвященные памятникам истории архитектуры, дающие историческую справку о здании или другом элементе городской инфраструктуры, на котором они расположены.

Российские исследователи культуры и политики памяти Елена Беседина и Татьяна Буркова выделяют несколько основных функций памятных досок: историко-мемориальную, художественно-эстетическую и информационно-коммуникативную (Besedina, Burkova 2014: 157). Историко-мемориальная функция выражается, прежде всего, в сохранении исторической памяти, в репрезентации исторических событий и персонажей. Уникальность этих знаков памяти заключается в том, что выражается формулой „только здесь, и нигде более”: „с их помощью память о событии или человеке оказывается навсегда и неразрывно связанной с определенным местом, к которому данный исторический факт или персонаж имел прямое и непосредственное отношение” (Besedina, Burkova 2019: 179). При этом Беседина и Буркова подчеркивают особый смысл мемориальных досок как „знаков памяти для формирования идентичности, закрепления в массовом сознании исторических мифов” (Besedina, Burkova 2019: 185). Похожим образом характеризует этот вид памятника и российский исследователь Елена Быкова:

Мемориальные доски представляют собой краткую летопись истории страны, поэтому являются по своему функциональному назначению идеологически нагруженными памятниками архитектуры, которым всегда и во все времена придавалась особая функция идеологического воздействия (Быкова 28).

Беседина и Буркова называют мемориальные доски „самой массовой на сегодняшний день формой монументального искусства в городе”. Они указывают на то, что эти примеры коммеморации имеют свои законы прочтения, выразительности, эмоционального воздействия на зрителя (Besedina, Burkova 2014: 158). В этом заключается их художественно-эстетическая функция. Создаваемые, как правило, скульпторами и архитекторами, мемориальные доски помимо прочего несут в себе эстетическое значение: форма доски, ее размещение на фасаде, визуальная выразительность, общий рисунок текста и дополнительных элементов (например, портретного изображения, барельефа, подставки для цветов и проч.) играют важную роль в композиционном решении, привлечении внимания и, как следствие, сохранении в памяти зрителя содержащейся в ней конкретной исторической информации.

Третья, информационно-коммуникативная функция мемориальных досок основывается на первых двух и заключается в вербальном и визуальном воздействии на зрителя. Прежде всего, информация на мемориальных досках – это текст. Он ограничен размером доски, величиной букв, художественным оформлением. Чтобы коммуникация проходила успешно, текст должен быть лаконичным, емким, но при этом информативным. Исследователи Андрей Полетаев и Ирина Савельева указывают на то, что исторические объекты, размещенные в определенном пространстве, „игравшие столь важную роль в организации индивидуальной памяти, воздействуют и на формирование социальных представлений о прошлом”. Эти объекты, а иногда и само пространство, „наделяются специфическими культурными смыслами, семиотицируются” (Savel’eva, Poletaev 11). Как следствие, мемориальные объекты и пространство в целом становятся „местами памяти”, которые музеефицируются и ритуализируются. Однако, говоря о „семиотизации” мемориальных досок и об их информационно-коммуникативной функции, нужно принимать во внимание, что эта функция обладает некоторым „временным потенциалом”, который может влиять на восприятие и интерпретацию содержимого памятника вследствие смены эпох и изменения исторической конъюнктуры (Besedina, Burkova 2014: 161).

Как писал Пьер Нора, „места памяти – это наш момент национальной истории” (Nora 48). Начиная с постперестроечных лет, в России можно было наблюдать, с одной стороны, значительную активизацию самой практики установки мемориальных досок (довольно популярной и в советское время) за счет включения в городское пространство памятных знаков, посвященных людям или событиям, которые ранее не отражались в официальном дискурсе. С другой стороны, речь идет о появлении примерно с 2010-х годов новых субъектов политики памяти – активных представителей гражданского общества, неправительственных организаций и многочисленных „инициатив снизу”.

Среди „сценариев памяти”, реализуемых сегодняшними акторами – будь то государственные структуры или общественные группы, или организации, – немалое место занимает „работа над прошлым”, которая предполагает, в том числе, открытие для общества запрещенных ранее тем (Besedina, Burkova 2019: 183).

Вопросы о репрессиях

30 октября в России традиционно отмечается День памяти жертв политических репрессий¹. В 2020 году накануне этого памятного дня в Москве

¹ День памяти жертв политических репрессий 30 октября официально отмечается в России с 1991 года. С середины 1970-х годов советские политзаключенные ежегодно отмечали

анонимные активисты провели акцию: под более чем десятком мемориальных досок, установленных в честь выдающихся деятелей советского периода, они задали вопросы о судьбе этих людей во времена Большого террора. Болгарский революционер Роман Аврамов, советский академик Валентин Глушко, артист и руководитель Большого драматического театра Алексей Дикий, актер Георгий Жженов, венгерский революционер Бела Кун, поэт Осип Мандельштам, режиссер Всеволод Мейерхольд, артист Соломон Михоэлс, врач Павел Обросов, физиолог Василий Парин, ученый-геолог Борис Полюнов, капитан сборной СССР по футболу Николай Старостин, богослов Павел Флоренский, конструктор Алексей Чаромский и другие – на мемориальных досках нет упоминаний о том, что эти люди были репрессированы.

В дальнейшем будет приведено несколько более подробных примеров, иллюстрирующих форму и суть акции. Для анализа было выбрано несколько использованных в акции мемориальных досок, критериями этого выбора стали сами доски (их внешний вид и содержание: большой/скудный объем информации о человеке, подбор специфических фактов биографии, идеологическая составляющая), а также надписи активистов, которые были по-разному сформулированы в каждом конкретном случае (в виде утверждения или вопросов: закрытого, открытого, риторического).

Мемориальная доска поэту Осипу Мандельштаму по адресу Тверской бульвар, дом 25, была установлена в 1991 году (скульптор – Дмитрий Шаховской). Надпись на доске: „Поэт Осип Эмильевич Мандельштам жил в этом доме в 1922–1923 и в 1932–1933 годах”. Формально эта именная мемориальная доска информирует о связи конкретного человека с конкретным адресом проживания, она не стремится дать дополнительную информацию ни о его судьбе, ни о его литературной деятельности (не упоминает литературных заслуг, написанных здесь произведений и проч.). Однако активисты проекта задают вопрос „А что с ним случилось в 1934?” (рис. 1), меняя тем самым смысловую и коммуникативную структуру данного „места памяти”. Ответа на этот вопрос не дается, то есть зритель приглашается к активной коммуни-

этот день голодовкой против бесчеловечного обращения в тюрьмах и лагерях. С 1987 года День политзаключенного отмечался демонстрациями, проходившими в Москве и других городах СССР. С 2007 года в Москве по инициативе общества „Мемориал” проводится акция „Возвращение имен”: у мемориала „Соловецкий камень” на Лубянской площади участники мероприятия по очереди зачитывают имена людей, расстрелянных в 1937–1938 годах (*Vôzvráščenie imen*, электронный ресурс). В других городах России акция также регулярно проводится у мемориалов репрессированным и мест массовых захоронений. Во время пандемии коронавируса и после начала войны в Украине акции проводились в интерактивном формате с подключением участников из разных стран и регионов (*30 oktâbrâ – Den' pamâti žertv političeskikh repressij*, электронный ресурс).

кации, ему предлагается самостоятельно узнать, что же все-таки случилось с Мандельштамом в 1934 году².

Стоит отметить, что доска поэту из черного гранита выполнена в форме стилизованной полуфигуры человека. Исследователь Наталья Конрадова в своей статье *Suche nach der Form. Gulag-Denkmäler in Rußland* (2007) указывает на то, что такая форма – абрис фигуры человека, углубление или выем в виде темного силуэта, крест, созданный из человеческих фигур или теней – характерна для памятников жертв политических репрессий³. Конрадова пишет:

Эффект от такой визуальной выразительности возможен благодаря различным ассоциациям, в которых основным значением является „отсутствие“. Она также символизирует фотографии жертв, вырезанные в семейных альбомах, – если на групповом фото был человек, ставший впоследствии жертвой репрессии, его часто замазывали или просто-напросто вырезали на фото, чтобы при обыске не попасть под статью „враги народа“ (Konradova 428, перевод – Д.Х.).

То есть по отношению к жертве репрессий такое изображение на памятнике выражает как физическое отсутствие человека, так и его „визуальное исчезновение“. В случае с Мандельштамом „исчезновение“ касалось также запрета на публикации, отсутствия упоминаний имени в печати, библиографиях, словарях и т.д. На этом примере можно увидеть, как авторы самого памятника, а также активисты проекта используют различные смысловые системы и информационные слои, расширяющие исторический контекст выбранного „места памяти“.

В ходе акции вопрос о новом местоположении человека сопровождал и мемориальную доску врачу-патологоанатому и директору Института скорой помощи им. Склифосовского Павлу Обросову, установленную в 1983

² В 1934 году Осип Мандельштам был арестован по доносу за чтение антисталинского стихотворения. Обыски и арест происходили по другому московскому адресу поэта: Нащокинский переулок (ул. Фурманова), дом 5. Отбыв арест, вскоре Мандельштам был вторично арестован НКВД и сослан на Дальний Восток, где скоропостижно скончался от болезни и был погребен в братской могиле в 1938 году (место захоронения до сих пор неизвестно). Реабилитирован посмертно „за отсутствием состава преступления“: по делу 1938 года – в 1956 году, по делу 1934 года – в 1987 году (Mugav'eva, электронный ресурс).

³ В качестве примера Наталья Конрадова приводит Памятник жертвам политических репрессий на месте расстрела и захоронения в пос. Селифонтово Ярославской обл. (скульптор – Сергей Новиков, 1994 г.) и памятник „Не вернувшимся...“ на мемориальном кладбище пос. Абезь Республики Коми (скульптор – Ионас Юодишюс, 1990 г.). К подобному типу памятников можно отнести и созданный в Сургуте Памятник жертвам политических репрессий (по эскизу Нодара Чагалидзе, 2017 г.) и установленный в Москве памятник „Стена скорби“ (скульпторы – Георгий и Андрей Франгуляны, 2017 г.). См. *Pamâtniki žertvam političeskikh represij na territorij byvšego SSSR*, электронный ресурс.

году по адресу Абрикосовский переулок, дом 1 (скульпторы: Олег Комов и Владимир Обросов-Серов). Доска выполнена из бронзы, с барельефом и надписью: „Здесь с 1927 года по 1937 год работал активный участник революционного движения, член КПСС с 1902 года, видный деятель советской медицины и здравоохранения профессор Павел Николаевич Обросов”. Вопрос под табличкой звучит: „А что в 1937-м переехал?” (рис. 2)⁴. Стоит обратить внимание, что в отличие от мемориала Мандельштаму памятная доска Обросову содержит гораздо больше биографической информации, она не просто указывает на его местожительство, но перечисляет заслуги: „активный участник революционного движения”, „член КПСС с 1902 года”, „видный деятель советской медицины”, „профессор”. С одной стороны, это может быть связано с тем, что имя врача Павла Обросова не так известно в широких кругах и цель таблички – рассказать как можно больше об этом выдающемся человеке. С другой стороны, выполненная в 1983 году табличка вполне соответствует „традиции” советских мемориалов: портрет героя для наглядности, перечисление его заслуг, указание на важность его деятельности для государства. Как и в примере с Мандельштамом, здесь авторы вопроса указывают на пропущенный в тексте мемориальной доски факт государственной репрессии, не называя ее напрямую, но приглашая публику к диалогу. Совпадение даты проживания Обросова по этому адресу и даты его ареста усиливает эффект, воздействует на эмоциональном уровне: 1937 год становится определенной временной границей, тем самым этому „месту памяти” задается иное значение – здесь произошло что-то тревожное, что-то судьбоносное.

Мемориальную доску Беле Куну, деятелю венгерского и международного коммунистического движения, сопровождает большее количество вопросов: „А что случилось в 1936? Арестовали? Расстреляли? Кто? За что?” (рис. 3). Эта доска, расположенная по адресу ул. Воздвиженка, дом 1, выполнена из темно-красного гранита (1986 год, архитектор: Сергей Смирнов), текст заполняет всю площадь памятника: „В этом здании в 1924–1936 годах работал видный деятель венгерского и международного рабочего движения один из основателей компартии Венгрии и руководителей Венгерской советской республики 1919 года Бела Кун”. На табличке нет ни упоминания ареста и расстрела венгерского политика, ни информации о его преступной деятельности на посту председателя Крымского ревкома в 1920 году, когда он

⁴ Обросова арестовали в 1937 году, он был обвинен в провокаторской деятельности, в 1938 году приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. Он был расстрелян 15 марта 1938 года на полигоне „Коммунарка” (сегодня на месте расстрельного полигона мемориальное кладбище). Реабилитирован в 1955 году („*Pavel Obrosov*”. *Martirolog rassrelânyh v Moskve i Moskovskoj oblasti*, электронный ресурс).

был одним из организаторов массовых казней⁵. Формулируя вопросы о судьбе Куна, активисты как бы дают подсказку: да, его арестовали и расстреляли, но кто и за что, это зрителю предлагается выяснить самостоятельно, как и прочие подробности деятельности этого политика, который, по сути, сам стал жертвой насаждаемого им режима.

Последний пример – мемориальная доска академику Борису Польшину. Доска из белого мрамора в тонкой бронзовой раме и с накладным бронзовым портретным барельефом расположена на здании Почвенного института по адресу Пыжевский переулок, дом 7 (дата создания и автор не установлены). Информация под портретом гласит: „В этом институте работал с 1927 по 1952 г. выдающийся ученый академик Борис Борисович Польшин”. Надпись активистов уточняет некоторые факты биографии ученого-геолога: „А с 1937 по 1939 был на Лубянке и в Крестах. Почему? Зачем?” (рис. 4). Действительно, в мае 1937 года директор Почвенного института Польшин был арестован по делу о шпионаже и контрреволюционной деятельности. Обвинения Польшин не признал, выдержал допросы и пытки, в 1939 году был освобожден за прекращением дела, восстановлен в Академии наук СССР и продолжил научную работу, буквально вернувшись в это здание („*Polynov Boris Borisovič*”. *Biografika*, электронный ресурс). В своих вопросах активисты используют метоним „Лубянка” (для собирательного обозначения органов государственной безопасности СССР, происходящее от местонахождения здания службы госбезопасности на Лубянской площади в Москве) и название ленинградской тюрьмы „Кресты”, исходя из того, что эти названия будут понятны потенциальному зрителю, укажут на контекст сообщения, вызовут интерес и заставят его включиться в коммуникацию.

В своем сообщении для Радио Свобода анонимные активисты так объяснили смысл акции:

Сначала государство убивает. Потом оно вешает доску, где рассказывает, какой вы великий человек. Величие требует мрамора и гранита, об убийстве пишут на стенах домов мелом и углем. [...] в канун дня памяти жертв политического террора [...] по всему городу появились вопросы, указывающие на пропущенный в текстах [мемориальных досок – Д.Х.] факт государственной репрессии (*Aktivisty „zadali voprosy”*, электронный ресурс).

Поскольку практически вся коммеморативная деятельность в Российской Федерации, в том числе процедуры установки мемориальных досок,

⁵ Бела Кун был обвинен в „руководстве контрреволюционной террористической организацией в Коминтерне” и расстрелян в 1938 году в „Коммунарке”. Посмертно реабилитирован в 1955 году („*Bela Kun*”. *Martirolog rasstrelannyh v Moskve i Moskovskoj oblasti*, электронный ресурс).

регулируется на законодательном – федеральном или региональном – уровне, такие гражданские инициативы, как акция с „вопросами о репрессиях” становятся яркими примерами реакции российского гражданского общества конца 2020 годов на „многолетнее выстраивание исторических мифов властными структурами” (Besedina, Burkova 2018: 4). Стоит обратить внимание, что почти все использованные в проекте мемориальные доски были установлены в период после 1955 года и до 1991 года. То есть эти „места памяти” появлялись по прошествии нескольких „волн” реабилитации жертв политических репрессий, но писать о „статусе” жертвы сталинского террора на мемориалах выдающихся деятелей государство не спешило. Стремясь расширить коммуникативную структуру конкретных „мест памяти”, представители гражданского общества стремятся изменить подачу и восприятие определенных – трагических – событий в истории страны, отношение к ним и тем самым становятся новыми акторами политики памяти.

Последний адрес

Другим примером сохранения памяти и „преодоления ошибок прошлого” может стать общественная инициатива „Последний адрес”. Проект стартовал в Москве в 2014 году, постепенно он получил распространение на всей территории России и за ее пределами – знаки „Последнего адреса” установлены в разных городах Грузии, Молдавии, Украины, Чехии, Германии. Его основной принцип сформулирован самими авторами: „увековечение памяти наших соотечественников, ставших жертвами политических репрессий и государственного произвола в годы Советской власти” (*Memorial'nyj proekt „Poslednij adres”*, электронный ресурс)⁶. Проект заключается в размещении персональных мемориальных знаков единого образца на фасадах домов, ставших последними прижизненными адресами жертв политических репрессий на протяжении всего времени существования тоталитарного режима в СССР – начиная с октября 1917 года. Инициаторы проекта подчеркивают, что таблички „Последнего адреса” – это не мемориальные доски, а информационные знаки:

⁶ Как пишут сами авторы проекта, „Последний адрес” развивает идеи немецкого мемориального проекта „Stolpersteine” („Камни преткновения”), начатого более 25 лет назад и на сегодняшний день распространившегося уже в более 700 европейских городов. В рамках проекта установлено более 75 000 мемориальных знаков в память жертв Холокоста (*Memorial'nyj proekt „Poslednij adres”*, электронный ресурс). См. также (*Stolpersteine*, электронный ресурс).

Мемориальные доски и прочие виды памятников устанавливаются в память о выдающихся персонах с особыми заслугами. В случае же с табличками „Последнего адреса” речь чаще всего идет о совсем непримечательных, „обыкновенных” людях, которым „не полагается” ни памятников, ни мемориальных досок (*Memorial'nyj projekt „Poslednij adres”*, электронный ресурс).

Цель проекта – сохранить память об этих гражданах (среди них имена учителей, инженеров, служащих, военных, журналистов), показать, что „ценность обыкновенной человеческой жизни так же велика, как и ценность жизни знаменитости”. основополагающий принцип проекта – „Одно имя, одна жизнь, один знак” (*Memorial'nyj projekt „Poslednij adres”*, электронный ресурс). Проект отмечает небольшим знаком „место памяти”, информирует потенциального зрителя о реальных фактах репрессий, делает публичной память о тех, кого расстреливали тайно, очень часто без суда и следствия.

Инициаторы проекта называют его „народным мемориалом”, имея в виду связь между всеми его участниками: репрессированными, которым посвящена табличка; инициаторами ее установки; людьми, которые „обсуждают [проект], думают о нем, рассказывают о нем своим детям, привлекают к этому своих соотечественников и так далее” (Šešenin, электронный ресурс). Таблички „Последнего адреса” были разработаны российским архитектором Александром Бродским, они представляют собой пластинки из нержавеющей стали размером почтовой открытки 11 на 19 см (*Memorial'nyj projekt „Poslednij adres”*, электронный ресурс). На них простым „рубленным” шрифтом нанесено несколько строк с основными сведениями о жертвах политических репрессий: имя, специальность, дата рождения, дата ареста, дата расстрела, дата реабилитации (рис. 5 и рис. 6). На месте предполагаемой фотографии жертвы пустое „окошко” – изображение вымарано, человек исчез, память о нем стерта и нуждается в возвращении.

Проект реализуется зарегистрированным в Министерстве юстиции РФ некоммерческим Фондом увековечения памяти жертв политических репрессий „Последний адрес”, учредителями которого стало общество „Международный Мемориал” и группа физических лиц – авторов проекта. Архивы и база данных „Мемориала” являются основным источником сведений, используемых при поиске информации – фамилий, адресов и дат⁷. Инициатором установки памятного знака по конкретному адресу может стать любой человек, она согласовывается только с субъектом, владеющим правами на здание (например, правлением собственников жилья или дирекцией предприятия). Таким образом, памятные знаки „Последнего адреса” не проходят

⁷ Эта же база данных легла в основу уже упомянутой акции „Возвращение имен”, ежегодно проходящей 29 октября у Соловецкого камня на Лубянской площади.

через систему бюрократической фильтрации и возможной государственной цензуры, подлинность имен и статуса жертвы режима проверяется лишь руководителями проекта. Однако „Последний адрес” все-таки может отказать заявителю, поскольку для установки памятного знака важны два условия: репрессированный был реабилитирован (то есть его приговор был признан формальным и к нему может быть применен статус жертвы) и отсутствуют документальные сведения о том, что человек сам когда-то был организатором или активным участником политических репрессий⁸.

На примере этого проекта также можно четко проследить, каким образом такие знаки коммеморации, как памятные таблички и мемориальные доски, посредством различных смысловых систем могут быть носителями сразу нескольких информационных и культурных слоев (Besedina, Burkova 2014: 164). Первым слоем можно считать простую передачу информации о том, что конкретный человек проживал в конкретном доме. Табличка уже одним своим наличием маркирует „место памяти”, придает обычному зданию дополнительный контекст. Второй слой напоминает о таких событиях в истории страны, как тоталитаризм и репрессии: об этом говорят даты, когда человек был арестован и впоследствии расстрелян. Третий слой информирует о факте реабилитации, то есть говорит о том, что приговор был признан незаконным, человек не был ни в чем виноват, он – жертва режима. По масштабности проекта очевидно, что таких граждан было много, то есть это не случайные жертвы, это целенаправленная политика властных структур. Четвертый слой – визуальный, это уже упомянутое оформление таблички, ее внешний вид. Такие невербальные элементы, как монохромность, строгий шрифт, прорезь на месте предполагаемой фотографии, геометричность форм, позволяют выделить главное: скупую информацию о человеке, за которой стоит целая судьба. Создатели проекта указывают на схожесть таблички с почтовой открыткой (по размеру и горизонтальному формату), однако можно утверждать, что она также похожа на карточку из личного дела заключенного в учетно-статистической картотеке, что придает ей дополнительный контекст и эмоциональный фон. Наконец, пятый слой – это факт того, что каждая табличка является частью большого проекта, за которым стоят определенные акторы политики памяти – представители гражданского общества, авторы концепции проекта, созданный ими негосударственный фонд, их ценности, цели и задачи.

С одной стороны, чтобы акт коммуникации состоялся, потенциальному зрителю должны быть понятны эти визуальные и вербальные символы, он

⁸ Подробно процедура проверки статуса человека и возможного отказа приведена на сайте проекта (*Memorial'nyj projekt „Poslednij adres”*, электронный ресурс).

должен распознать и декодировать их. С другой стороны, ограниченность текста на табличке призвана подтолкнуть зрителя к активным действиям – к поиску информации о судьбе конкретного человека или истории конкретного места (здания, улицы, района). Функционал сайта проекта позволяет самостоятельно ознакомиться с именами и адресами в разных городах России и мира, составить маршрут, найти дополнительные сведения (*Zaâvki i znaki „Poslednego adresa” na karte*, электронный ресурс). Вполне возможно, что посредством этого человек заинтересуется историей собственной семьи в период репрессий. Таким образом, функции памятных табличек и мемориальных досок значительно расширяются.

Немецкий историк и культуролог Алейда Ассман в своей статье *Reframing memory. Between individual and collective forms of constructing the past* (2010), рассуждая о разных форматах и формах памяти, приходит к выводу:

[We] live in a world that is mediated by texts and images, a recognition that has an impact both on individual remembering and the work of the historian. The historian has lost his monopoly over defining and presenting the past (Assmann 39).

[Мы] живем в мире, который опосредуется текстами и изображениями. Признание этого влияет и на индивидуальное запоминание, и на работу историка. Историк потерял монополию на то, чтобы определять и преподносить другим прошлое (пер. – Д.Х.).

Перефразируя эту цитату и рассмотрев приведенные выше примеры, можно сказать, что с появлением новых коммеморативных практик и форм коммуникации не только профессиональное сообщество историков, но и государство потеряло монополию на политику памяти и ее регулирование.

Заключение

Мемориальные доски и памятные таблички обладают многими отличительными чертами: простота исполнения и внедрения в городское и социокультурное пространство, относительная экономичность, приближенность к целевой аудитории, уникальность расположения. Эти формы коммеморации, являясь частью сложной структуры исторической памяти, фиксируют связь конкретных „мест памяти” с конкретными людьми или историческими событиями. Благодаря своим основным функциям – историко-мемориальной, информационно-коммуникативной и художественно-эстетической – они играют важную роль в процессах сохранения коллективной памяти, „формирования и поддержания идентичности” (Besedina, Burkova 2018: 185).

Даже такой небольшой по формату памятник, как мемориальная табличка, может содержать множество информационных и культурных слоев,

транслировать различные контексты и смыслы, приглашая тем самым целевую аудиторию или потенциальную публику к взаимодействию и активной коммуникации.

В последние несколько десятилетий в России активно развивались политика и культура памяти, в публичный дискурс возвращались или впервые вводились табуированные ранее темы и исторические сюжеты, „традиционные”, идеологически выдержанные, репрезентации исторических событий ставились под сомнение и даже разоблачались. В этой области происходило активное объединение представителей гражданского общества, неправительственных организаций и „инициатив снизу”. Все это нашло отражение и в различных формах коммеморации, в том числе в работе с многочисленными „местами памяти”, в частности – с мемориальными досками и памятными табличками, посвященными жертвам политических репрессий.

Библиография

- „30 oktâbrâ – Den’ pamâti žertv političeskijh repressij”. *Regnum*. Web. 01.05.2023. <https://regnum.ru/news/polit/534902.html>.
- „A čto s nim slučilos’ v 1937-m?”. *Novaâ gazeta*. Web. 01.05.2023. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/29/87755-a-čto-s-nim-sluchilos-v-1937-m>.
- „Aktivisty «zadali voprosy» k memorial’nym doskam žertvam repressij”. *Radio Svoboda*. Web. 01.05.2023. <https://www.svoboda.org/a/30919152.html>.
- Assmann Aleida. „Re-framing memory. Between individual and collective forms of constructing the past”. *Performing the past: Memory, history, and identity in modern Europe*. Eds. Karin Tilmans, Frank van Vree, Jay Winter. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2010.
- Barannikova, Alisa. „Markirovanie social’noj pamâti v gorodskom prostranstve: memorial’nye doski v formirovanii kul’turnogo landšafta goroda”. *Sociologîâ Vlasti*, 29 (1), 2017, s. 156–175.
- „Bela Kun”. *Martirolog rassrelânyh v Moskve i Moskovskoj oblasti*. Web. 01.05.2023. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=8282>.
- Besedina, Elena, Tat’âna Burkova. „«Gorod dolžen govorit’...»: memorial’naâ doska kak znak kommemoracii i komunikacii v sociokul’turnom prostranstve”. *Lûdi i teksty. Istoričeskij al’manah. Zakaz na istorii? Aktualizaciâ informacionnogo prostranstva prošlogo*. Red. M. Bobkova. Moskva, Institut vseobščej istorii RAN, 2014, s. 150–174.
- Besedina, Elena, Tat’âna Burkova. „Kommemorativnye znaki (na primere memorial’nyh dosok) v pravovom prostranstve regionov Rossijskoj Federacii: k postanovke problemy”. *Gumanitarnyj Naučnyj Vestnik*, 1, 2018, s. 1–11.
- Besedina, Elena, Tat’âna Burkova. „«Ot doski do doski»: konstruirovanie mifa i poisk identičnosti v znakah kommemoracii (na primere memorial’nyh dosok)”. *Lûdi i teksty. Istoričeskij al’manah. Zakaz na istorii? Aktualizaciâ informacionnogo prostranstva prošlogo*. Red. M. Bobkova. Moskva, Institut vseobščej istorii RAN, 2019, s. 178–186.
- Bykova, Elena. *Modul’nyj tekst v massovoj komunikacii: zakonmernosti rečevoj organizacii*. Web. 01.05.2023. https://dissser.spbu.ru/dissser/%7Bzashiti_dissser___id%7D/avtoref-Bikova.pdf.

- Hal'bvaks, Moris. *Kollektivnâ i istoričeskaâ pamât'*. Web. 01.05.2023. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>.
- Konradova, Natal'ja. „Suche nach der Form. Gulag-Denkmäler in Rußland”. *Osteuropa*, 57. Jg. 6, 2007, s. 347–365.
- Memorial'nye doski Moskvy*. Departament kul'turnogo nasledîâ goroda Moskvy. Web. 01.05.2023. https://mosrest.mos.ru/upload/medialibrary/6fc/mdm_final_prevyu.pdf.
- Memorial'nyj proekt „Poslednij adres”*. Web. 01.05.2023. <https://www.poslednyadres.ru/about/>.
- Murav'eva, Nadežda. *Den' roždenîâ Mandel'stama: „Ešče ne umer ty”*. Web. 01.05.2023. <https://literaturno.com/overview/mandelshtam/>.
- Nora, P'er. „Problematika mest pamâti”. *Franciâ-pamât'*. Red. P'er Nora et al., Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999, s. 17–50.
- Pamâtniki ŷertvam politiĉeskikh represij na territorii byvšego SSSR. Saharovskij centr*. Web. 01.05.2023. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/>.
- „Pavel Obrosov”. *Martirolog rasstrelânyh v Moskve i Moskovskoj oblasti*. Web. 01.05.2023. <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=11882>.
- „Polynov Boris Borisoviĉ”. *Biografika*. Web. 01.05.2023. <https://bioslovhist.spbu.ru/person/3359-polynov-boris-borisovic.html>.
- Savel'eva, Irina, Andrej Poletaev. *Social'nye predstavlenîâ o prošlom: istoĉniki i reprezentacii*. Moskva, NIU VŠĖ, 2007.
- Stolpersteine*. Web. 01.05.2023. <https://www.stolpersteine.eu/>.
- Šešenin, Semen. *Proekt, kotoryj dolžen stat' dviženiem*. Web. 01.05.2023. <https://www.poslednyadres.ru/articles/xxsiglo.htm>.
- Vozvraščenie imen. Ob akcii*. Web. 01.05.2023. <https://october29.ru/about/>.
- Zaâvki i znaki „Poslednego adresa” na karte*. Web. 01.05.2023. <https://www.poslednyadres.ru/?point=tag-81&lng=37.604&lat=55.7697#>.

Иллюстрации

Рис. 1. Мемориальная доска поэту Осипу Мандельштаму (Тверской бульвар, дом 25)
Ресурс: „Novaâ gazeta”. Web. 01.05.2023. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/29/87755-a-chto-s-nim-sluchilos-v-1937-m>.

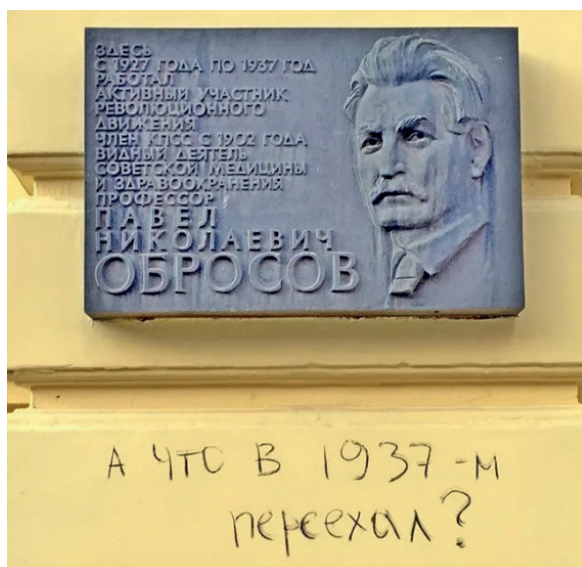

Рис. 2. Мемориальная доска врачу-патолоанатому и директору Института скорой помощи им. Склифосовского Павлу Обросову (Абрикосовский переулок, дом 1)
Ресурс: „Novaâ gazeta”. Web. 01.05.2023. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/29/87755-a-chto-s-nim-sluchilos-v-1937-m>.

Рис. 3. Мемориальная доска Беле Куну, деятелю венгерского и международного коммунистического движения (ул. Воздвиженка, дом 1)

Ресурсы: „Novaâ gazeta”. Web. 01.05.2023. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/29/87755-a-chto-s-nim-sluchilos-v-1937-m>.

Рис. 4. Мемориальная доска академику Борису Полюнову (Пыжевский переулок, дом 7)

Ресурсы: „Novaâ gazeta”. Web. 01.05.2023. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/29/87755-a-chto-s-nim-sluchilos-v-1937-m>.

Рис. 5. „Последний адрес”: памятные знаки экономисту Якову Марковичу Шинделю, инженеру Раисе Леонидовне Ханиной-Скрыпник, дипломату Иосифу Гавриловичу Коринцу (Москва, ул. Долгоруковская, д. 5)

Ресурс: фото автора.

Рис. 6. „Последний адрес”: памятные знаки (Москва, ул. Долгоруковская, д. 5)

Ресурс: фото автора.